

**Игорь
СТАРЦЕВ**
г. Петрозаводск

*«Карелия — один из наиболее загадочных регионов России!
И самая интригующая из карельских тайн —
тайна снежного человека».*

**Доктор биологических наук,
профессор Валентин Сапунов.
Возглавляет научное объединение «Криптобиология»
при Петровской академии наук и искусств
в Санкт-Петербурге.**

Наступал вечер. Восток еще алел. Пятно скупого мерцающего заката окрасило снеговые шапки сосен в багрово-красный цвет. Из-за этого лес, опущенный густым инеем, казался нарядным и легким.

Накатанная лыжня змеилась, вилась среди

заснеженного леса, то терялась, запорошенная снегом, то появлялась, разрезая упругий наст. Мартовская оттепель уплотнила снег, после которой наступила устойчивая погода. Тимофей быстрым шагом легко скользил по накатанной лыжне на коротких, широких, подбитых лосиной шкурой лыжах. Частыми, мелкими глотками ловил воздух, низко наклонив голову, так ему было легче идти. Заплечный мешок приятно оттягивал плечи тяжестью добычи. Соболь, две норки, попавшие в ловушки, несколько белок, мерзлая куропатка да бившийся об ногу привязанный к поясу глухарь. Тимофей был охотником-промысловиком. Лет ему было уже порядочно, но он продолжал уходить в лес. Это была его работа.

В ветвях белой пуховой елки, близко стоящей рядом с лыжней, встряхнулась какая-то большая птица. С дерева посыпался сверкаю-

ший снег и накрыл охотника. Он остановился, отряхнулся и подозвал собаку, которая резво носилась по лесу, облаивая птиц и белок. Собаку Альму он приобрел недавно. Она была из породы северных лаек. Серой масти, с белой отметиной на груди и туго закрученным на спину хвостом. Потрепав ее по пушистому загривку, Тимофей двинулся дальше к своему зимовью. На берегу незамерзающего ручья, в густом ольшанике, стояла старая покосившаяся избушка, срубленная много лет назад. Охотник спешил до темноты добраться на ночлег.

Вдруг издалека на Тимофея обрушился какой-то надтреснутый рев, переходящий в надсадный хрип не хрип, стон не стон, но что-то такое жалобное и мучительное. Он вздрогнул и влетел в заснеженный куст, забитый снегом и утрамбованный вокруг следами зайцев и куропаток. Выбравшись из снежного плена, охотник прислушался, определяя, с какой стороны послышался крик. Собака, поджав хвост, бочком прилепилась к ногам хозяина, испуганно вздрагивая. Стон, надтреснуто-жалобный, раздался опять. Он доносился с той стороны, где стояла кем-то забытая ловушка на медведя. Тимофей с опаской стал подходить к ней, продираясь сквозь низковисящие ветки деревьев.

Под еловым бревном, среди взрытого снега, с зажатой передней лапой лежал кто-то лохматый. «Мужик в шубе? Но только почему она мехом вверх? Медведь, но как-то не похож на зверя. Может быть, леший?» – подумал Тимофей и на всякий случай перекрестился. Зверь пытался освободиться. С силой толкал бревно свободной лапой и даже пускал в ход зубы. Охотник немного постоял, подумал, достал из-за пояса топор и перерубил державшую бревно поперечную планку. Зверь вырвал из разошедшихся бревен опухшую лапу и поднялся.

Тимофей сделал несколько шагов назад и, испытывая панический ужас, поднял ружье. Перед ним стояла огромная сутулая двуногая фигура. Больше двух метров ростом, покрытая густой черной шерстью, с узким телом и длинными руками и ногами. У нее была низ-

ко посажена голова и подбородок, опущенный ниже плеч. Охотник ахнул: «Так вот он какой – лесной хозяин! Метсахийси!» – пронеслось у него в голове. А тот стоял, бережно поддерживая раненую руку, и смотрел светящимися в полумраке близко посаженными, наполненными слезами глазами, которые просили о помощи. Тимофей нерешительно потоптался, забросил за спину на ремень ружье. Осторожно взял протянутую руку. Бережно протер кровоточащую рану снегом. Присыпал табаком, который вытащил из кيسета. Распахнул полушубок. Оторвал от давно не стиранной рубахи клочок и обмотал руку зверя. Тот что-то промычал. Развернулся и кинулся бежать большими прыжками.

Утром зимовье сотрясало от сильного стука. Тимофей испуганно вскочил, натянул меховую обувь, сшитую из шкуры кабана. Накинул полушубок и, открыв дверь, задохнулся холодом. Вчерашний знакомый, человекообразное существо стояло с протянутой раненой рукой. «Альма! Лесной хозяин к нам пришел», – крикнул Тимофей собаке. А та забила под нары и жалобно скулила.

Теперь уже не только рука, но и все тело пришедшего выражало боль. Охотник призывно махнул рукой – «иди ко мне!». Раненый нерешительно подошел и протянул покалеченную руку. Повязки на ней уже не было. Испачканная кровью замерзшая шерсть торчала клочьями. Рана воспалилась и кое-где покрылась гнойными волдырями. «Да, дяденька, совсем дело у тебя плохое. Лечить тебя надо», – проворчал Тимофей и задумался. Он постоял немного, соображая, что делать. «А, была не была! Буду лечить так же, как и себя иногда лечу», – сказал и вернулся в избушку. Разжег огонь в печке. В котелке поставил вариться травы для обмывания раны: сушеные почки и листья березы, кору ивы, листья крапивы, стерженьки черемухи. Рядом положил печься луковицы. На огне прокалил нож. Пока готовил все это, дверь непрерывно грохотала от ударов. Собрав приготовленное лекарство в узелок, Тимофей вышел на улицу. Зверь стоял у крыльца и ждал его. Охотник взял протянутую руку и

осмотрел ее. Стерильным ножом стал вскрывать гнойники. Раненый вздрагивал от боли, но руку не отнимал. Тупыми ножницами кое-как отрезал лохмотья шерсти. Рану обмыл приготовленным теплым травяным отваром и обсыпал порошком из высушенных листьев тысячелистника, корней репейника и обложил печеными луковичками. Крепко обмотал бинтом, взятым из аптечки, а потом куском холщовой тряпки.

Тимофей, как опытный таежник, лечил свои болезни различными травами и каждый раз перед уходом на промысел спорил с женой насчет предлагаемых ею порошков и таблеток. Но та всегда молча умудрялась засунуть в его мешок целлофановый пакет с лекарствами, и он вспоминал ее добрым словом, когда спасался анальгином от нестерпимой боли застуженных зубов.

Охотник свистом подозвал собаку, которая осторожно выглядывала из-за угла избушки, и заскользил по лыжне к поставленным капканам и ловушкам. Слева бежала Альма, а справа широкими шагами шел лесной хозяин. На первой ловушке, вытаскивая попавшего соболя, Тимофей увидел, что хозяин, стоя неподалеку, качал головой и как-то жалобно смотрел на него. Потом развернулся и ушел, раздвигая густые кусты здоровой рукой.

Тимофей с нетерпением ждал прихода лесного человека, но он пришел только на четвертый день. Повязка была на руке, и врачующий, сняв ее, увидел, что рана стала затягиваться, да и сам зверь был бодр и весел. Перевязки делались еще несколько дней. Молодая кожа на ране крепла, отливала белизной, но шерстью не зарастала. «Теперь ты меченый и будешь ходить с этой отметиной всю жизнь», – говорил Тимофей во время очередной перевязки.

Теперь каждый день в сумерках охотник с собакой, устало возвращаясь из леса, находили лесного человека около избушки. Он сидел на чурбане, на котором кололи дрова, и по привычке держал на коленях раненую руку. Стоило ему увидеть подъезжающего охотника, начинал раскачиваться из стороны в

сторону, хлопать руками по коленям и топтать своими большими подошвами ног.

Как-то в один из дней, когда делали перевязку, Тимофей посмотрел на раненого зверя:

– Слушай, тебя надо каким-то именем назвать, а то с тобой разговариваешь, а ты в ответ все «гры» да «гры».

Лесной хозяин внимательно смотрел и тщательно пытался выдавить из себя какие-то звуки, но опять у него получалось «гры», «гры».

– Давай я тебя тогда назову Гришей. Ты будешь Гриша. – Тимофей несколько раз произнес это имя и при этом касался пальцем мохнатой груди великана. «Альма!» – громко кричал собаке. Она в ответ радостно лаяла и высоко подпрыгивала. «Гриша!» – тот бил себя в грудь и, подражая собаке, пытался тоже подпрыгнуть. Но это получалось так неуклюже, что Тимофей не мог удержаться от смеха и вплетал свой хриплый бас в общий шум веселья.

Альма с Гришей подружились и проводили вечера в веселых играх, пока Тимофей, сидя у костра, снимал шкурки с пушных зверьков. Расставаясь, Гриша отходил от зимовья и как бы растворялся в воздухе. Альма нюхала его след и вопросительно смотрела на Тимофея, а тот не раз убеждался в каких-то невероятных способностях лесного человека. Иногда во время игры Альма под его взглядом вдруг застывала в воздухе на мгновение, а потом, очутившись вновь на снегу, лежала обессиленная. Тимофей сам старался не смотреть в глаза великана. Если это неожиданно получалось, то исходящая от зверя неведомая сила внушала ему страх, и охотник весь следующий день чувствовал себя больным.

В охотничьих заботах и вечерних веселых играх так они прожили до весны. Лес зазеленел и стал наполняться призывными криками птиц и зверей. Они делились на пары. Тимофей стал находить участки уплотненного снега с большим количеством заячьих следов. Мест свадоб и драк самцов-соперников. Почерк бега соболей изменился. Они стали кружить по лесу парами, заметно возбужденные и с повышенной активностью. Лисы собира-

лись на возвышенных местах и устраивали «лисы свадьбы». Драки самцов сопровождались своеобразным глухим лаем с подвыванием. Волки находили подруг и уединялись с ними в глухих лесных дебрях. Жизнь требовала продолжения рода.

Гриша перестал играть и молча сидел у костра, не отвечая на заигрывание собаки. Только вздрагивал и с тоской смотрел в лес, когда раздавались тревожные, стонущие зовы самцов. Он все реже стал приходить к избушке и, наконец, совсем пропал. Охотник с собакой привыкли к нему и как-то чувствовали себя одиноко. Тимофей отвлекался ловлей нерестующей рыбы в реке. Альма уходила в лес и призывно лаяла, но лес отзывался только эхом. «Покинул нас Гриша. Жизнь есть жизнь», – говорил Тимофей, поглаживая собаку, которая преданно клала голову на колени охотника.

Проходило время в хозяйственных делах. Иногда они вспоминали лесного хозяина, и при его имени Альма вскакивала и, наострив уши, чутко вслушивалась в звуки леса.

Когда наступил новый охотничий сезон, как-то увидел Тимофей на просеке две удаляющиеся лохматые фигуры. Та, что была ростом поменьше, как показалось, держала на руках детеныша. Охотник стал кричать и даже выстрелил из ружья. Альма надрывалась в

призывном звонком лае. Лесные жители оstanовились. Один из них оглянулся, посмотрел на них, махнул лапой и большими прыжками стал догонять удаляющуюся подругу.

В деревне не верили рассказам об удивительной жизни с лесным хозяином, но Тимофей, уходя в лес, все еще надеялся на встречу с удивительным существом.

□

Игорь Николаевич СТАРЦЕВ

родился в 1945 г. в Мурманске.

Окончил Ленинградский электротехнический институт связи им. Бонч-Бруевича.

Его рассказы публиковались в карельских и московских периодических изданиях.

В 2008 г. стал лауреатом конкурса новелл, проводимого Баренц-регионом.

Является членом литературной студии «Свой голос» при Карельском представительстве Союза российских писателей.

Живет в Петрозаводске.

